

Главный зал

— Приветствую Нефритового императора, — Хуа Тянь шагнул вперёд и почтительно сложил руки в поклоне.

— А, пришёл всё-таки, — Нефритовый император лежал на ложе. Выглядел он изнурённым, и слова давались ему с видимым трудом.

— Владыка призвал меня по какому-то делу? — Хуа Тянь изо всех сил старался скрыть ликование. Вид недужного правителя несказанно его радовал: наконец-то не придётся выслушивать тонны пустой болтовни.

— Одна из моих душ в мире смертных угодила в ловушку, — Император натужно приподнялся на ложе, явно вознамерившись разразиться пространной тирадой. — Тебе нужно немедленно спуститься на землю, помочь ей освободиться и вернуть её на Путь перерождения.

Хуа Тянь торопливо шагнул к постели и мягко, но настойчиво уложил владыку обратно на шёлковые подушки.

— Ваше Величество, вы нездоровы. Не нужно утруждать себя, полежите, отдохните.

Император хрипло, тяжело задышал. Болезнь и впрямь подкосила его, однако он, точно дряхлый, но упрямый жеребец, яростно вытаращил глаза:

— Да не болен я! Стоит этой душе вернуться, как всё пройдёт. Ступай немедленно!

— Но где мне её искать? — растерянно спросил Хуа Тянь.

— И это спрашивает Владыка ада?! — взвился Император. От недуга характер его испортился окончательно: владыка вспыхивал от малейшей искры, точно сухой порох. — Мои земные воплощения не могут прозябать в неизвестности! Я — Владыка Небес, а значит, моя душа на земле обязана носить корону и править смертными. Неужели такие простые вещи надо разжёвывать?! Или ты насиделся на своём троне в преисподней?!

Хуа Тянь уныло отвернулся в сторону, покорно снося лавину бранных слов. Уж лучше бы старик, как обычно, нудно разглагольствовал, чем так орал.

Дворец Доушуай на Небе разлук и сожалений

— Цзыцзюнь, тебе становится только хуже, — Император Хуагай с тревогой всматривался в проступающую сквозь кожу Лань Цзыцзюня кровь. С каждым мгновением её цвет становился всё более блёклым, теряя жизненную силу.

Цзыцзюнь не проронил ни слова — то ли от невыносимой боли, то ли просто не желая говорить с Императором.

— Возвращайся ко мне, — негромко предложил Хуагай, бережно отирая влажной тканью израненное тело юноши. Ткань мгновенно окрашивалась в зеленоватый оттенок сочащейся сукровицы. — Мне понадобится ещё несколько лет, чтобы полностью очистить твой меридиан.

— Не вернусь, — глухо отозвался Цзыцзюнь.

«Сначала прогоняешь, а теперь зовёшь обратно, — горько подумал он. — За кого ты вообще меня держишь?»

Но вслух он произнёс совсем другое:

— Если я вернусь в Небесный дворец, кто присмотрит за Подземным царством?

— И то верно... — пробормотал Хуагай.

Он и сам до конца не понимал, хочет ли возвращения Лань Цзыцзюня. Слова сорвались с губ в порыве минутной слабости, и теперь Император втайне сожалел о своей поспешности.

Тихий шёпот уязвил Цзыцзюня в самое сердце. Лицо его едва заметно дрогнуло, выдав глубокое разочарование.

— Что ж, может, оно и к лучшему, — вздохнул Хуагай. — Я приготовлю для тебя новые пилюли, они поддержат твои силы.

С этими словами он скрылся в глубине покоев, чтобы приказать двум прислужникам раздуть пламя под алхимическим тиглем.

Оставшись один, Лань Цзыцзюнь сбросил верхнее одеяние и подошёл к Пророческому бронзовому зеркалу. Из отражения на него взглянуло искажённое судорогой боли лицо и покрытое уродливыми шрамами тело. Он выглядел как чудовище.

Обида, злость и отчаяние, копившиеся долгие месяцы, хлынули наружу безудержным потоком. Обезумев от ярости, он сорвал Пророческое бронзовое зеркало со стены и с силой швырнул его на пол. Бронзовые осколки с противным звоном разлетелись у его босых ног.

Схватив свои одежды, Цзыцзюнь, спотыкаясь, бросился вон из дворца.

Хуагай слышал грохот в соседней зале и прекрасно понял, что произошло. На душе у него сделалось паршиво, однако внешне он остался абсолютно спокоен, невозмутимо успокаивая перепуганных шумом алхимических помощников.

Хуа Тянь покинул чертоги Нефритового императора в прескверном расположении духа. Не разбирая дороги, он свернул в первый попавшийся переулок и после недолгих блужданий окончательно заблудился среди бесконечных небесных галерей.

Смеркалось. Хуа Тянь пытался заговорить с редкими прохожими небожителями, но те лишь высокомерно ускоряли шаг, делая вид, будто не замечают его. Это злило ещё сильнее. В сердцах он поклялся себе: даже если Император Хуагай будет ползать перед ним на коленях, он больше ни за что не переступит порог этого проклятого Небесного дворца.

Вдруг в полумраке впереди показался смутный силуэт. Путник шёл неровным шагом, сильно покачиваясь из стороны в сторону, и продвигался вперёд лишь потому, что опирался плечом о стену.

«Опять какой-нибудь бессмертный перебрал нектара», — подумал Хуа Тянь и поспешил обойти пьянчугу по широкой дуге, не желая смущать его.

Но стоило им поравняться, как незнакомец негромко окликнул его. Голос показался смутно знакомым. Вглядевшись в бледное лицо, Хуа Тянь обомлел.

— Брат Цзыцзюнь?! — воскликнул он.

— Представляешь, братец Цзыцзюнь, этот старик призвал меня ради пустякового поручения, но вместо благодарности больше часа кости мне перемывал! Каков наглец, а? Всё, ноги моей здесь больше не будет! — обрадовавшись знакомому лицу, Хуа Тянь тут же вывалил на него всю свою обиду.

Увлёкшись собственной болтовнёй, он не заметил ни мертвенной бледности на лице собеседника, ни тусклого отблеска лезвия, скрытого в его широком рукаве.

Цзыцзюнь слушал этот поток жалоб, из последних сил сохраняя остатки терпения. В его душе бушевала буря сомнений. Обычно скорый на расправу и решительный, он впервые в жизни не мог заставить себя сделать один точный выпад.

— Ты откуда вообще идёшь? Неужели бегал к Хуагаю пригубить небесного вина? — Хуа Тянь шутливо подался вперёд и принялся. Алкоголем не пахло, зато явственно ощущался резкий,

горьковатый аромат травяных притирок.

Только тут до него дошло, что с другом творится неладное. Лань Цзыцзюнь выглядел краше в гроб кладут, его брови сошлись у переносицы, а во взоре сквозила неприкрытая жажда крови. Улыбка мгновенно сползла с лица Хуа Тяня.

— Что с тобой стряслось? — посерьёзnel он.

Собеседник молчал, не сводя с него леденящего душу взгляда. В неверном лунном свете было отчётливо видно, как вокруг Цзыцзюня клубится плотная, удушливая аура злобы — столь осязаемая, что, казалось, она вот-вот взметнётся к самым небесам.

— Послушай, Цзыцзюнь, — Хуа Тянь впервые заговорил с ним столь строго. — Почему после каждого визита в Небесный дворец ты сам на себя не похож? Расскажи мне наконец, что здесь происходит?

— Тебе ли не знать, — процедил сквозь зубы Цзыцзюнь.

Его рука в рукаве напряглась, готовая нанести смертоносный удар. Хуа Тянь совершенно растерялся — он действительно не понимал, в чём провинился, но на сей раз твёрдо решил докопаться до истины.

— Брат Хуа, не желаешь ли зайти ко мне на чашку чая? — в самое мгновение броска из полумрака соткался Император Хуагай. Он вырос за спиной Цзыцзюня и мягко коснулся его предплечья. Скрытый в рукаве кинжал беззвучно рассыпался в невесомую пыль.

При виде новоприбывшего остатки самообладания Хуа Тяня испарились.

— О, Хуагай! А я как раз собирался с тобой поквитаться! — взвился он, мгновенно переключив весь свой гнев на Императора. Наконец-то нашёлся тот, на ком можно было сорвать злость за все сегодняшние злоключения.

— Идём, обсудим всё у меня, — Хуагай по-свойски приобнял Хуа Тяня за плечи и настойчиво увлёк за собой, бросив через плечо короткий, но полный ледяного предупреждения взгляд на Лань Цзыцзюня.

— Погоди, я ещё не договорил с Цзыцзюнем! — Хуа Тянь попытался упереться, но против силы Императора приём не сработал — его упрямо толкали вперёд.

— Наговоритесь ещё в своём Подземном царстве. Мы так редко видимся, давай сначала побеседуем наедине, вспомним былое, — мягко парировал Хуагай. Натиск был столь искусен, что у Хуа Тяня не нашлось весомых аргументов для отказа, к тому же высказать всё Императору хотелось нестерпимо.

— Братец Цзыцзюнь, возвращайся пока в Подземное царство! — крикнул он напоследок, махая рукой. — Встретимся дома и во всём разберёмся!

Цзыцзюнь резко взмахнул рукавом, развернулся и, пошатываясь, скрылся во тьме.

Дворец Доушуай

— Ещё раз затащишь меня в свои заоблачные выси — я на твоих глазах с собой покончу, помани моё слово! — в сердцах пригрозил Хуа Тянь, развалившись в кресле.

— Не получится, — невозмутимо отозвался Хуагай, делая неторопливый глоток ароматного чая. — Ты бессмертен.

От этого будничного замечания Хуа Тянь едва не задохнулся от возмущения и уставился на Императора свирепым взглядом.

Глядя на его забавную ярость, Хуагай лишь мягко улыбнулся и поспешил пойти на попятную:

— Хорошо-хорошо, больше не стану принуждать тебя против воли.

— Обещаешь? — Хуа Тянь немного остыл.

— Обещаю. Можешь быть уверен. — Император пребывал в прекрасном расположении духа. Минуты, проведённые наедине с Хуа Тянем, всегда приносили ему искреннюю радость.

— И ещё кое-что! — Хуа Тянь насупился, вспомнив недавние приключения. — Почему ты не предупредил, что расследование этого дела смертельно опасно?!

При одном воспоминании о сокрушительном ударе Юй Цзыи у него фантомно заныла макушка. Страх от едва не случившейся гибели до сих пор давал о себе знать.

— Но ведь ты всё равно не можешь умереть, — с той же лёгкостью повторил Хуагай.

Против этой железобетонной логики возразить было нечего. Бессмертие, конечно, вещь хорошая, но Хуа Тянь не находил в своём положении ничего завидного.

— Не умру, так изведусь от боли! Меня же едва пополам не разрубили! Ты хоть представляешь, каково это?! — воскликнул он, потирая шею. Возмущение так и клочкотало в нём. — Предупреди ты меня заранее, я бы хоть подготовился!

— Если бы я раскрыл тебе все карты, ты бы не взялся за это дело со всем возможным рвением,
— спокойно пояснил Император.

Аргумент был убийственным, спорить с ним не имело смысла, однако Хуа Тяню от этого легче не стало.

<http://bllate.org/book/18412/1796504>